

Научная статья  
УДК 343  
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-75-79>

## О понятии и месте феномена «экстремизм» в современном социально-правовом поле

**Пшеничнов Илья Михайлович**

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия,  
[pshenichnov.im@skspba.ru](mailto:pshenichnov.im@skspba.ru)

**Аннотация.** Юридическая техника бесспорно играет важную роль в вопросе противодействия преступности, особенно наглядно данная проблематика раскрывается на примере деятельности правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с экстремистской деятельностью. Существующие в данном правовом поле терминологические упущения нередко детерминируют не только затруднения квалификации соответствующих преступлений, но и становятся инструментом в руках криминального сегмента, манипулирующего общественным правосознанием в целях реализации собственных радикальных взглядов и идей. Таким образом, формируется благоприятный фундамент для эскалации социальной напряженности и формирования общественного резонанса, основным источником которого еще пять лет назад выступали факты реализации права граждан на необходимую оборону, тогда как в настоящее время эту нишу уверенно занимают радикальные высказывания и призывы в сети «Интернет». Преодоление подобных вызовов и угроз представляется достижимым прежде всего посредством унификации соответствующих законодательных положений, способной повысить не только уровень эффективности конкретной правоохранительной деятельности, но и уровень гражданского доверия отечественной системе правосудия. С учетом этого в настоящей статье актуализируется проблематика понятия и места феномена «экстремизм» в современном социально-правовом поле.

**Ключевые слова:** экстремизм, противодействие, законодательство, терминология, правосознание, уголовная ответственность, правоохранительная деятельность

**Для цитирования:** Пшеничнов И. М. О понятии и месте феномена «экстремизм» в современном социально-правовом поле // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 75–79. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-75-79>.

Original article

## About the concept and place of the phenomenon of “extremism” in the modern socio-legal field

**Ilya M. Pshenichnov**

Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation, [pshenichnov.im@skspba.ru](mailto:pshenichnov.im@skspba.ru)

**Abstract.** Legal technology undoubtedly plays an important role in the issue of combating crime, this problem is especially clearly revealed by the example of the activities of law enforcement agencies engaged in combating extremist activities. The terminological omissions existing in this legal field often determine not only the difficulties in qualifying the relevant crimes, but also becomes a tool in the hands of the criminal segment manipulating public legal awareness in order to implement its own radical views and ideas. Thus, a favorable foundation is being formed for the escalation of social tension and the formation of public resonance, the main source of which five years ago was the facts of the realization of the right of citizens to the necessary defense, whereas at present this niche is confidently occupied by radical statements and appeals on the Internet. Overcoming such challenges and threats seems achievable primarily through the unification of relevant legislative provisions, which can increase not only the level of effectiveness of specific law enforcement activities, but also the level of civil confidence in the domestic justice system. With this in mind, this article actualizes the problems of the concept and place of the phenomenon of “extremism” in the modern socio-legal field.

© Пшеничнов И. М., 2023

**Keywords:** extremism, counteraction, legislation, terminology, legal awareness, criminal responsibility, law enforcement

**For citation:** Pshenichnov I. M. About the concept and place of the phenomenon of “extremism” in the modern socio-legal field. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 3 (63), pp. 75–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-3-75-79>.

Феномен «экстремизм» в современном социально-правовом поле является одним из актуальных и сложных вопросов, он может быть определен как крайнее выражение идеологических, политических или религиозных убеждений, которое включает в себя насилие, ненависть, дискриминацию и другие формы нарушения прав человека. Представленное понятие имеет неоднородное толкование в разных странах и законодательных системах. В отдельных государствах его трактуют через призму преимущественно уголовного права (Китайская Народная Республика, Королевство Саудовская Аравия, Республика Сингапур и др.), тогда как Соединенные Штаты Америки, Канада и некоторые страны Европейского союза придерживаются более лояльного подхода, главным аргументом которому выступает принцип свободы выражения, что позволяет чаще рассматривать радикальные взгляды с позиции иных отраслей права (например, административного) до тех пор, пока они не призывают к насилию. Подобные разночтения определяются спецификой исследуемой дефиниции, насыщенной оценочными нематериальными категориями, предопределяющими весьма устойчивый иммунитет к какой-либо унификации и систематизации, что порождает расширительное толкование, способное выступить орудием даже в решении задач ограничения политической деятельности и свободы мысли. Данную проблему, обостряющуюся социальным инфантилизмом и нигилизмом, активно используют заинтересованные лица, манипулирующие мнением гражданского населения в целях дискредитации действующей власти и препятствования осуществлению ее функциональных обязанностей по привлечению к юридической ответственности конкретных общественно опасных оппозиционных групп и активистов.

Таким образом, актуальность соответствующих деструктивных феноменов не вызывает практически никаких сомнений. Более того, на протяжении последних 5–10 лет экстремизм стал выступать одним из ключевых поставщиков нежелательного социального резонанса. Тогда как еще недавно эту нишу занимали факты реализации конституционного права граждан на самозащиту, регламентированные

частью 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации [1] и статьи 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2], то в настоящее время здесь доминируют факты привлечения к ответственности за деяния, имеющие весьма тонкую грань между свободой слова и экстремистскими действиями (например, «репосты», «лайки» и т. д.). Масштабы сокрытых здесь угроз весьма очевидны, поскольку, помимо имеющихся проблем квалификации, возможных неправосудных решений, дискредитации правоохранительных органов, общественного давления на процесс расследования отдельных уголовных дел, этим начинают пользоваться и виновные лица, как уже осуществившие свой преступный умысел, так и еще только готовившие его реализацию, это же касается и их близких, а также защитников, стремящихся искусственным путем сформировать эскалацию социальной напряженности при помощи манипуляции «обывательским» правосознанием. Достаточно наглядным примером в этом контексте выступает дело «канских подростков».

Летом 2020 года они наклеили на здание отдела УФСБ листовки в поддержку аспиранта МГУ, которого привлекли к уголовной ответственности за нападение на офис партии «Единая Россия». На следующий день после расклейки листовок они были задержаны. В их телефонах была обнаружена информация о планах «взорвать» здание ФСБ, построенное в компьютерной игре *Minecraft*, что и выступило инструментом, с помощью которого злоумышленники придали произошедшему событию федеральную известность. Тем не менее действительным основанием уголовной ответственности здесь выступили совершенно иные обстоятельства. Проведенное правоохранительными органами разбирательство позволило установить, что подростки готовились к активной преступной деятельности с октября 2019 года: изучали запрещенную литературу экстремистского характера, просматривали видеофильмы с руководством по изготовлению взрывчатки, успели изготовить четыре подобных устройства, проводили регулярные тренировки с «коктейлями Молотова» на пустырях, промзонах и в заброшенных домах Канска (Красноярский край) [3].

С учетом этого вполне закономерным результатом выступил обвинительный приговор, вынесенный 10 февраля 2022 года 1-м Восточным окружным военным судом, в соответствии с которым они признаны виновными в прохождении обучения в целях совершения террористической деятельности (ст. 205<sup>3</sup> УК РФ), хранении и ношении взрывчатых веществ (ч. 2 ст. 222<sup>1</sup> УК РФ), а также изготовлении взрывчатых веществ (ч. 2 ст. 223<sup>1</sup> УК РФ). Принятое решение обсуждалось практически во всех судебных инстанциях, тем не менее 17 января 2023 года существующие здесь юридические разногласия завершились, когда Верховный суд Российской Федерации оставил приговор без изменений. Тогда как в отдельных СМИ на протяжении всего этого периода времени велась активная «информационная кампания», акцентирующая общественное внимание лишь на одном неправдоподобном факте, что несовершеннолетнего приговорили к 5 годам лишения свободы за план «взорвать» здание ФСБ в компьютерной игре [4].

Особая опасность подобных манипуляций заключается в том, что они служат не столько задаче «спасения» виновного лица от наказания, сколько способствуют дискредитации отечественного правосудия, снижению уверенности граждан в собственной правовой защищенности и нивелированию социального доверия к государственной власти. В итоге перед нами предстает одна из наиболее совершенных схем реализации криминального намерения. Человек, в действительности возможно и не имеющий контактов ни с каким экстремистским сообществом, неосознанно становится инструментом для достижения его целей и для этого не приходится предпринимать никаких очевидно противоправных действий — достаточно лишь дожидаться, когда кто-то из сторонников анархистских взглядов переступит грань допустимого законом поведения. Далее потребуются лишь работа с общественным сознанием, не всегда обладающим достаточным иммунитетом к специальным психологическим приемам, маскирующим истинное лицо преступника под якобы «жертву режима», которую впоследствии будут использовать не более чем в качестве катализатора для эскалации социальной напряженности и достижения собственных преступных целей.

Представленный деструктивный феномен в современном правовом поле имеет множество различных толкований, а также становится все более многогранным, распространенным

и опасным. Тогда как борьба с ним выступает одной из сложнейших задач для правоохранительных органов, поскольку наряду с узкопрофильными и иными проблемами требует достижения баланса между защитой общества и гарантированием политических прав и свобод. Отдельные действия или высказывания могут быть субъективно интерпретированы как некорректные, что создает проблемы в определении и пресечении рассматриваемой деятельности.

Как правило, «экстремизм» рассматривается в контексте обеспечения безопасности государства и общества как понятие, описывающее определенные формы и проявления радикальных и экстремистских идей, действий или поведения, которое используется для описания деятельности и организаций, связанных с призывами к насилию, дискриминации, терроризму или нарушению законов и основных ценностей общества. Однако, само это понятие является достаточно размытым и подвержено расширительному толкованию. Изначально обозначенный термин использовался для описания политических и социальных движений, которые стремились к радикальным изменениям в обществе. Однако со временем его значение возросло и стало применяться в отношении различных форм проявления деструктивной деятельности, включая религиозный, националистический, расовый и другие виды экстремизма. В основе существующих здесь анархистских идей нередко располагаются корыстные и иные низменные побуждения, сокрытые под «слоем» категорической неприязни к определенным группам людей и убеждениям.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом определяет рассматриваемое явление следующим образом: «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством» [5]. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» существенно расширяет содержательную сторону представленной дефиниции посредством добавления в нее террористической деятельности, возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни,

воспрепятствования осуществлению гражданами их избирательных прав, законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенные с насилием либо угрозой его применения и других деяний [6]. Особого внимания заслуживает тот факт, что в действительности здесь перед нами отсутствует определение исследуемого деструктивного явления, имеется лишь перечень его структурных элементов, которые в своей совокупности весьма разнородны и не предоставляют объективной возможности выделить его характерные признаки и, соответственно, сущность его общественной опасности. Более того, определенного рода возражения возникают в связи с отождествлением категорий «экстремистская деятельность» и «экстремизм», которые однозначно не являются равнозначными понятиями.

Таким образом, существующий законодательный подход к толкованию обозначенного феномена не позволяет в должной мере сформировать единообразное восприятие отличительных черт поведения, которые обеспечивали бы возможность однозначно расценивать содеянное с позиции допустимого или экстремистского. Подобное упущение наблюдается наряду с тем, что указанная криминальная активность уже охватывает различные сферы жизни, начиная от политики и религии, заканчивая культурой и образованием. Вместе с тем в современном правовом поле происходит постоянное развитие рассматриваемого явления в связи с изменениями в обществе и появлением новых форм его выражения. Например, в последнее десятилетие наблюдается рост интернет-экстремизма, когда соответствующие лозунги и призывы распространяются через социальные сети и другие онлайн-платформы. Это вызывает необходимость адаптации имеющихся правовых норм и механизмов противодействия к новым реалиям.

Признаки представленного антисоциального феномена могут быть различными и они зависят от конкретной ситуации и контекста, однако, как правило, в их числе фигурируют следующие элементы:

1. Идеология: обосновавшийся здесь криминальный контингент обычно исповедует анархистские идеи, которые отличаются от широко принятых норм и ценностей общества.

2. Радикализация: процесс, в результате которого люди становятся все более склонными к принятию экстремистских идей и действий,

катализатором которого выступают: пропаганда, социальная изоляция, самоидентификация, общение с другими сторонниками или воздействие определенных событий.

3. Насилие: участники данных формирований не отрицают возможность физической агрессии и даже террора, чтобы достичь своих целей.

4. Интолерантность: экстремисты обычно проявляют ненависть и нетерпимость к определенным группам людей, основываясь на расовой, религиозной, этнической или политической принадлежности.

5. Противоправность: изменение существующего политического, социального или религиозного порядка выступает ключевым мотивом в данной криминальной среде (свержение правительства, установление диктатуры, создание нового общественного строя и т. д.).

Одной из основных проблем понятия «экстремизм» является его нечеткость и субъективность. То, что одни люди могут считать экстремистским, другие могут считать легитимным выражением своих убеждений или борьбы за права и свободы. Это может привести к неравноправному и произвольному применению закона и ограничению прав граждан. Кроме того, представленная дефиниция может быть использована в целях сужения пространства для общественного дискурса. Оно может включать различные формы выражения мнений и убеждений, которые могут быть и не согласны с официальной линией государства, но при этом не представлять угрозы общественной безопасности. Таким образом, существует опасность, что правовые подходы к определению экстремизма могут быть использованы для ограничения свободы слова и манипуляции политической оппозицией.

К сожалению, существующие правовые подходы к определению и борьбе с исследуемым общественно опасным явлением сосредоточены на симптомах, а не на причинах этого явления. Необходимо более глубокое понимание социальных, экономических и политических факторов, которые могут способствовать распространению экстремистских идей. Без анализа этих факторов борьба с экстремизмом может быть неэффективной и недостаточно обоснованной. С учетом этого основные направления совершенствования противодействия в обозначенной сфере в современном правовом поле должны включать в себя уточнение и конкретизацию понятия, разработку механизмов предотвращения и пресечения экстремистской деятельности,

проведение информационно-просветительской работы и международное сотрудничество.

Таким образом, развитие понятия «экстремизма» в правовом поле является неотъемлемой частью борьбы с этим явлением. Оно происходит в соответствии с изменяющимися социально-политическими реалиями и вызовами и направлено на обеспечение безопасности общества и защиту основных прав и свобод граждан. Несмотря на критику, правовые подходы к определению и борьбе с экстремизмом остаются необходимыми в современном обществе. Однако для их эффективности и справедливости важно обеспечить четкое и узкое определение данного феномена, а также соблюдение принципов прав человека и справедливого судопроизводства.

#### Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 года всенародным голосованием (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета. 2020. 4 июля.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. 18 июня.
3. В Канске подростку дали пять лет колонии за обучение терроризму // РИА Новости. 2022. 10 февраля. URL: <https://ria.ru/20220210/kansk-1772052271.html> (дата обращения: 15.07.2023).
4. Цветаев Л., Мясумова А. Пять лет за «взрыв» в Minecraft. Суд рассмотрел дело канских школьников

ков // Газета.ru. 2022. Февраль. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/02/10/14519263.shtml> (дата обращения: 15.07.2023).

5. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Собрание законодательства РФ. 2003. № 41, ст. 3947.

6. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30, ст. 3031.

#### References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted on December 12, 1993 by popular vote (subject to amendments made by the laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation no. 6-FKZ of December 30, 2008, no. 7-FKZ of December 30, 2008, no. 2-FKZ of February 5, 2014, no. 11-FKZ of July 21, 2014; with amendments approved during the all-Russian vote of July 1, 2020). *Rossiyskaya Gazeta*, 2020, July 4. (In Russ.)
2. The Criminal Code of the Russian Federation: federal law no. 63-FZ of June 13, 1996. *Rossiyskaya Gazeta*, 1996, June 18. (In Russ.)
3. In Kansk, a teenager was given five years in a penal colony for teaching terrorism. *RIA Novosti*, 2022, February 10. URL: <https://ria.ru/20220210/kansk-1772052271.html> (accessed 15.07.2023). (In Russ.)
4. Tsvetaev L., Myasumova A. Five years for the “explosion” in Minecraft. The court considered the case of Kansk schoolchildren. *Journal.ru*, 2022, February. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/02/10/14519263.shtml> (accessed 15.07.2023). (In Russ.)
5. Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism. *Collection of legislative acts of the RF*, 2003, no. 41, art. 3947. (In Russ.)
6. On countering extremist activity: federal law no. 114-FZ of July 25, 2002. *Collection of legislative acts of the RF*, 2002, no. 30, art. 3031. (In Russ.)

#### Информация об авторе

**И. М. Пшеничнов** — кандидат юридических наук.

#### Information about the author

**I. M. Pshenichnov** — Candidate of Sciences (Law).

Статья поступила в редакцию 05.08.2023; одобрена после рецензирования 05.09.2023; принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 05.08.2023; approved after reviewing 05.09.2023; accepted for publication 10.09.2023.